

ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНОВ

И. Е. Штейнберг

Процесс институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах



ШТЕЙНБЕРГ Илья Ефимович — кандидат философских наук, директор СарРОО «Социум» (Саратов, Россия).

Email: socium@engels.san.ru

Статья посвящена исследованию институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах. Социальная сеть поддержки представлена как совокупность различных систем устойчивых персонифицированных взаимоотношений и зависимостей элементов сети друг от друга, в основании которых находится традиционный институт семьи и дружеской взаимовыручки. Этот институт регулируется целым комплексом как писаных (официальные законы), так и неписаных норм (нравы, обычаи, а в особых случаях и так называемые криминальные «понятия»). Описывается методика исследования социальных сетей поддержки в межсемейных обменах. Процесс институционализации рассматривается на модели неэквивалентных обменов между членами сетей социальной поддержки в городских и сельских семьях. Выделены три основные формы обмена психологическими ресурсами в сетях социальной поддержки. В центр изучения институционализации сетей поддержки поставлен вопрос о том, что в таких сетях её участники «строят», то есть сознательно конструируют, а что можно только «выращивать», то есть какие отношения и связи появляются в процессе взаимной коммуникации со временем спонтанно.

Ключевые слова: институционализация; социальные сети поддержки; межсемейные обмены; материальные и моральные сетевые ресурсы; бюджеты семьи.

Проблема определения социальной сети поддержки

Попытка дать общее, универсальное определение социальной сети поддержки в отрыве от контекста её образования приводит к избыточно широкому представлению об этом феномене. Например, общие определения социальной сети как «набора взаимосвязанных элементов, где в качестве элементов могут быть и индивиды, и фирмы, и государства» [сайт Innovations and Networks] или совокупности связей и отношений можно применить к большинству форм социальных отношений в обществе, а не только к социальным сетям поддержки. Подобно этому, наиболее распространённый подход к определению социальных сетей П. Бурдьё (Pierre Bourdieu) и Дж. Коулмана (James Coleman), которые видели в них форму социального капитала. Так, П. Бурдьё представляет социальную сеть как социальное поле, в ко-

тором места индивидов распределены в соответствии с их статусами. Статус, в свою очередь, зависит от совокупности ценных социальных отношений и полезных связей, которые, собственно, и представляют социальный капитал. Дж. Коулман в различных формах социального капитала выделяет социальную норму, которая «не только облегчает определённые действия, но и сдерживает другие (негативные) тенденции» [Коулман 2001]. Таким образом, он представляет социальный капитал как сеть отношений, основанных на доверии и уверенности в том, что другие члены сети добровольно выполняют свои обязательства. Однако социальный капитал в виде норм доверия и взаимного выполнения обязательств между субъектами взаимодействия может накапливаться в организациях, не имеющих сетевую структуру.

Сети социальной поддержки, безусловно, также обладают социальным капиталом в виде норм доверия, но природа возникновения этого доверия у членов сети друг к другу коренится в ценностно-нормативных традициях института семьи и дружбы. Возникновение такой же нормы в иерархической организации тесно связано с формальными договорами или устными обязательствами, которые вытекают из логики снижения рисков при достижении поставленных руководителями целей. В иерархической организации между её сотрудниками может сформироваться неформальная структура социальной сети поддержки. Индикатором её появления могут служить заявления её членов, что «мы как одна семья» (отдельно следует выделить случай, когда ключевые позиции в организации занимают представители семейного клана).

К представлениям о социальной сети как системе межличностных отношений относится социометрическая концепция Дж. Морено (Jacob Moreno). С точки зрения институционализации сети этот подход представляет собой теорию возникновения и закрепления социальных ролей и статусов в малой группе на основе совокупности эмоциональных и инструментальных выборов членами группы друг друга. Социометрический статус члена малой группы можно рассматривать как его социальный капитал, но только в части «накопления» эмоциональных симпатий со стороны социальной группы, что является существенным ограничением для анализа всего института сети.

Таким образом, говоря о социальных сетях поддержки, мы должны определиться с тем, что позволяет их выделить как отдельную категорию среди общих определений социальных сетей как системы связей и отношений между людьми и социальными группами, а также представлений о социальной сети как о совокупности неформальных малых групп.

Здесь уместно упомянуть концепции, где социальные сети поддержки представляют собой устойчивые совокупности взаимосвязей и отношений между участниками по обмену различными ресурсами, включая подарки и прочие символы причастности и солидарности.

Прежде всего это концептуальный подход М. Грановеттера (Mark Granovetter) [Granovetter 1973] по разделению связей внутри сети на сильные и слабые с доказательством «силы слабых связей», которые дают преимущества социальным сетям в достижении своих целей, за счёт возможности подключения большего числа сетевых узлов для доступа к необходимым ресурсам, их взаимозаменяемости и автономности. Это принципиальное отличие организационной структуры социальной сети от структуры малой группы, где индивиды с низким «социометрическим статусом», согласно концепции Морено, находятся в положении «отверженных парий» и «козлов отпущения». В сетях социальной поддержки индивиды с малым числом взаимных связей могут оставаться полноправными членами сообщества со статусом «пассивного члена», «резервиста», которых «имеют в виду на крайний случай» и т. п., если они, конечно, разделяют общие ценности и нормы поведения данного объединения. Таким образом, М. Грановеттером предложена модель, объясняющая механизм эффективности сетевых структур, где интенсивность взаимных контактов может быть невелика и преобладают слабые и односторонние связи.

Другим подходом к определению социальной сети поддержки как формы социального механизма взаимопомощи в социуме служит концепция «моральной экономики» и «оружия слабых» Дж. Скотта (James Scott) [Скотт 1992], который на примерах крестьянских сообществ Юго-Восточной Азии показал, как общинные нормы взаимовыручки, которые являются моральной привычкой пользоваться для выживания ресурсами «крестьянского мира», и разнообразные формы коллективного латентного сопротивления и защиты от давления властей являются универсальной основой аграрного развития.

Особое место в концепциях изучения социальных сетей поддержки занимает «теплообменный» подход [Zakharov 2006]. В нём социальная сеть рассматривается как система «каналов», «труб», «тоннелей», по которым «текут» не только материальные ресурсы, но ещё передаётся «тепло» доверия, взаимопонимания, симпатии и проч. С помощью этого эмоционального «тепла» в сетях создаются особые «поля притяжения», «круги своих» и т. д. Можно видеть, как в исследованиях сетей метафора «передачи тепла» постепенно расширяется от сравнений с местной «отопительной» или «транспортной системой» в локальных сетях дружеских компаний до образа глобальной электронной «паутины» в безмасштабных социальных сетях Интернета.

Однако для институционализации социальной сетей неопределённое «тепло отношений» должно иметь определённую форму, закреплённую в стандартах, нормах, обычаях, традициях и ритуалах поведения участников сетевых взаимодействий. Важную роль в этом подходе сыграли антропологические исследования М. Мосса (Marcel Mauss), Дж. Кариера (James G. Carrier), Р. Эмерсона (Richard Emerson) по изучению символических обменов и даров как важных механизмов формирования и функционирования социальных сетей. Значение подарка в этих исследованиях для существования социальной сети очень велико, например, В. Ильин определяет подарок как «форму регулярных инвестиций в поддержание социальной сети» [Ильин 2007]. Подарок в реципрокных (взаимных) отношениях в сетевых связях несёт много функций и может выступать далеко не символической материальной помощью, что особенно проявляется в формах, подробно описанных К. Поланьи, А. Шиком, В. Ильиным, С. Барсуковой, А. Леденевой и др. (неэквивалентные обмены, традиционные «помочи», блат и проч.).

До середины XX в. в гуманитарных науках то, что сегодня называют социальными сетями поддержки, чаще всего описывалось такими терминами, как союз, объединение, «круги общения» или соединением формальных и неформальных отношений, деловых и эмоциональных контактов и т. п. В конце 1990-х годов, вместе с бурным развитием сетей Интернета (совпадение?), так же стремительно стало развиваться «сетевое» описание социальных систем в общественных науках. Коллективы, организации и все другие социальные институты попали в «сетевые» отношения и связи. Стало трудно понять, что конкретно исследователи имеют в виду под термином «сеть», когда рассуждают об общих тенденциях развития общества начала XXI в.: деловые отношения между бизнесменами и их фирмами, взаимодействие общественных организаций или помощь семей друг другу, которые могут иметь различную природу формирования и функционирования.

В конкретных социологических исследованиях эту проблему решают тем, что рабочие определения социальных сетей сопровождаются указаниями их принадлежности к определённой социальной группе или к определённому виду отношений: семейные, дружеские, партнёрские, деловые, клиентские и т. п. Сегодняшнее представление о сетях социальной поддержки связано с исследованиями роста сектора неформальной экономики в Европе и Латинской Америке и роли неформальных отношений в организациях в середине 1970-х годов. В этих исследованиях в основном изучались социальные сети семейной и дружеской поддержки. Например, исследователи экономики стран третьего мира указывали, что в стратегиях выживания семей огромную роль играют родственные и дружеские «сети», оказывающие членам семьи помощь в поисках работы и поддержку в случае чрезвычайных обстоятельств [Roberts 1994; Гладырев 2001].

В отечественной научной литературе социальные сети стали интенсивно изучаться в начале 1990-х годов. «Социальные сети поддержки» упоминаются в исследованиях экономического поведения бизнесменов, при изучении особенностей адаптации городских и сельских семей к условиям рыночной экономики. Неформальные деловые сети, например, определяются как *«устойчивые и относительно замкнутые совокупности связей между постоянными партнёрами»* [Радаев 1999], сочетающие в себе формальный контроль и неформальный обмен услугами. В исследованиях экономического поведения сельской семьи середины 1990-х годов также появляются описания сетей социальной поддержки, которые призваны компенсировать недостатки государственной социальной защиты населения и сгладить последствия экономического и политического кризиса [Шанин и др. 2002].

Представления о социальной сети поддержки как универсальном способе адаптации различных социальных групп к экстраординарным условиям существования продолжают воспроизводиться в научном сообществе и сегодня, оставаясь продуктивным исследовательским подходом к изучению данного феномена [Ионин 2007]. В основном «адаптивная» теория социальной сети поддержки отражает «нерегулярные» экономические связи и отношения, отсутствие прямой зависимости от рыночных товарно-денежных регуляторов взаимнообменов с их «моралью» капиталистической выгоды. Основная функция таких сетей — обезопасить их участников от реальных или мнимых угроз беззащитности и брошенности государством на произвол частного интереса, носителями которого могут быть как «акулы капитализма», так и любые представители «нерыночных» социальных групп, включая криминальные структуры и даже, собственно, самих государственных чиновников.

Здесь понятие социальной сети поддержки наиболее близко смыкается с концептом «гражданское общество», понимаемым в качестве социальной сети неформальных связей и взаимоотношений населения, которое в своих жизненных практиках руководствуется не столько официальным законом и представлениями «о должном» обычного права или элементами криминальных «понятий», сколько их сочетанием в зависимости от конкретной ситуации и уровня решаемой задачи.

Такая концентрация на «сетях выживания» оставляет за бортом «сети развития», что в «естественных» категориях полевого исследования, основанных на личных высказываниях респондентов, кодируется как *«мы не выживаем, а просто живём»*. Здесь содержится прямое указание на то, что житейский «форс-мажор» составляет только часть «жизненного мира» респондентов, включённых в сеть социальной поддержки, и что существует целый корпус функций сети, которые разворачиваются в условиях, когда прямой угрозы для её выживания со стороны государства, бизнеса и тех, кто между ними, как бы нет. Например, когда участникам социальной сети поддержки нужно *«просто вместе отдохнуть»*, *«просто помочь быстрее и легче решить задачу»*, *«интереснее что-то делать вместе»*, *«чувствовать себя нужным, полезным, уважаемым»* и даже просто *«о ком-то заботиться»* и проч.

В данной статье автор будет пользоваться одним из рабочих представлений о сети социальной поддержки сельских и городских семей, которое использовалось в проекте «Неформальная экономика сельских и городских домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена» (руководители Теодор Шанин и Вадим Радаев, 1999–2001 гг.). С междисциплинарной методикой исследования и их результатами можно познакомиться в коллективной монографии «Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России» (см.: [Шанин и др. 2002]).

Итак, под сетью социальной поддержки семьи мы будем понимать *особый род неформального социального института, спонтанно возникшего на основе устойчивых связей кровного родства и дружбы членов семей и их ближнего окружения, на взаимном интересе и личном выборе*. В центре этого представления стоит взгляд исследователя на социальную сеть поддержки как на совокупность различных систем устойчивых персонифицированных взаимоотношений и зависимостей элементов сети друг от

друга, в основании которых находится традиционный институт семьи и дружеской взаимовыручки, регулирующийся как официальными законами, так и нормами обычного права, а в некоторых случаях и «понятиями».

Контакты и связи в социальной сети поддержки

В этом рабочем определении социальной сети поддержки хочется подчеркнуть, что привычная связка «взаимоотношения и связи», которая присутствует в большинстве представлений о социальных сетях, заменена «зависимостью». Этим подчёркивается специфическое для сетей поддержки понимание категории «связь» как ситуации, где два элемента в данной системе после установления контакта уже не могут действовать независимо друг от друга.

Вот как об этом говорит респондент из Саратовской области, отвечая на вопрос исследователя в глубинном интервью о своих связях с другими членами своей дружеской сети поддержки:

И.: «Вижу, Вы в тесном контакте с ним (речь идёт о близком знакомом), а как давно возникла эта связь между вами?»

Р.: *«Вот правильно сказал, связь. Нет, мы не просто в контакте. Что контакт? Контакт — это я познакомился и всё. Я его имею в виду, а он меня. Я знаю, что он есть, и он знает. Для контакта это достаточно. Есть контакт, нет контакта (смеется), это как в... (явно хотел, но передумал привести что-то в яркий пример. — Примеч. исследователя). Как выключатель — замкнуло и разомкнуло, и всё.»*

Связь — другое. Ну, я уже не могу что-то делать, даже для себя, как будто его нет. Узнал что-то полезное или появился интересный вариант, не важно, для дела или просто так, я ему должен дать знать, ну, чтобы он тоже мог для себя..., потому что мы вместе..., как бы зависит он от меня, а я от него, потому что он что-то узнает, он думает обо мне, мне позвонит и мы вместе обсудим, встретимся. Ну, может, не совсем зависит. Нет, нет, зависит, потому что это поможет, лучше будет ему. А мне, ну, не знаю. Но так правильно, чтобы он знал, что я помню о нём. Я уверен буду, что, если что, то и он обо мне не забудет. Это важно. Это главное. Может, самое главное, почему мы дружим давно. Вот я сейчас это понял, когда с Вами говорил» (Мужчина, 37 лет, бывший школьный учитель труда. 2000 г.).

Несмотря на очевидную трудность для респондента саморефлексии феномена дружеской связи, очевидно, что идея взаимной зависимости в данном случае главный аргумент для её рационального объяснения.

Однако были интервью, где мы сталкивались с другой позицией представления о сети именно как «системе контактов», которые не всегда подразумевают совместные действия её членов. Вероятно, это и есть первоначальная неинституционализированная форма социальной сети поддержки, где само по себе завязывание и поддержание контактов является самоцелью, не преследующей ни конкретной экономической выгоды, ни определённой социальной полезности. Социальный капитал массы контактов между участниками сети не отрефлексирован ими в понятиях рыночной эффективности сетевых коммуникаций, формирования благоприятного имиджа или саморекламы «для чего-то конкретного».

Видимо, процесс институционализации запускается с того момента, когда сетевые взаимосвязи мобилизованы для решения определённой, общей для участников социальной сети задачи. Возникает коали-

ция с «мягкой» координацией для согласования деятельности участников, распределение обязанностей, ролей и проч. Дальнейшее «затвердевание» структуры управления, согласно теории М. Грановеттера, приводит к необходимости заключения договоров (устных или письменных), а это уже признак партнёрства, от которого один шаг до ассоциации. Оказавшись в организационных «сетях» ассоциации, участники социальной сети оказываются связанными единой административной системой с её уставом, закреплёнными нормами и правилами, формальной структурой управления, и это уже внешне похоже на типовую формальную организацию.

Методика исследования социальных сетей поддержки семьи

Традиционные подходы к исследованию социальных сетей поддержки включают как количественные, так и качественные методы. Данная статья основана на первичных данных, полученных методом глубинного интервью в социологических проектах по исследованию социальных сетей межсемейной поддержки в 1999–2000 гг. (рук. Т. Шанин и В. Радаев). В статье используется анализ 17 интервью с сельскими респондентами Саратовской области, которые проводились в течение года двумя исследователями — автором статьи и М. Морехановой, а также 12 интервью с сельскими и городскими респондентами, полученных в ходе социологического исследования «Социальные сети в России» (рук. А. Берелович) в Саратовской области и Москве [Архив исследования 2002.]

Следует отметить методическую специфику глубинных интервью, которые были проведены в проекте 1999–2000 гг. Суть этой специфики заключалась в том, что фокус интервью был направлен на бюджет семьи, где отмечались текущие доходы и расходы семьи в течение года, а интервью являлось «комментарием к бюджету», где выделялись вопросы о внешних связях семьи. Целиком же методический инструментарий проекта представлял собой триангуляцию количественных и качественных методов исследования: 1) штатное бюджетное исследование семьи, ориентированное на межсемейные связи; 2) глубинное интервью, где центральной частью были комментарии респондентов относительно своего сетевого бюджета; 3) «Карта семейной сети поддержки», которая представляла собой графический метод исследования сетевых взаимоотношений и связей.

Для изучения институционализации сети данная методика помогает выявить «незримые» нормы и правила неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки за счёт детализации экономической жизни семьи. Так, сетевой бюджет сельской семьи включал в себя ежедневную фиксацию (в рублях и часах) различных трансфертов продуктами, стройматериалами, топливом, кормами для подсобного хозяйства, деньгами (в дар и в долг), помощь трудом (услуги транспортом, помощь в ремонте, строительстве, уходе за детьми и проч.). Также вёлся учёт символических обменов подарками, траты на приём гостей, на информационные и посреднические услуги.

В ходе глубинного интервью исследователь просил прокомментировать эти обмены с точки зрения их значимости для респондента, их обязательности, справедливости, необходимости, соответствия обычаям и нормам поведения и т. п. Это давало возможность не пропустить такие обыденные акты поведения, как помощь трудом друг другу, которая не замечается до тех пор, пока норма, её регулирующая, не будет нарушена. Этот метод в определённом смысле похож на этнографический «гарфинкеллинг», когда обычному поведению придают необычный смысл с целью проявления «фоновых ожиданий». Например, когда спрашивают, почему вы должны «за спасибо» 12 часов в неделю нянчить ребёнка сестры или правильно ли не требовать возврата долга с брата в срок. Семейный бюджет, который лежит перед глазами исследователя и респондента, позволяет максимально «опредметить» абстрактный вопрос о «справедливости»: *«Это нормально, когда Ваш брат увёз в город продуктов на 2 тыс. руб.,*

а привёз лекарств и конфет на 200 руб.?». В этом случае можно надеяться на проявление интерсубъективного смысла поведения респондента и социального института семейной сетевой солидарности, который производит эти смыслы и нормы.

Графическая «карта семейной сети поддержки» служит той же цели. В основе метода лежит социометрический подход Дж. Морено, и эта методика направлена на изучение причин сильных и слабых связей между членами сети, динамики их отношений, эмоциональных предпочтений, представлений о границах семейной сети и других характеристиках данной семьи как « сетевого узла». Респондент самостоятельно изображает свою социальную сеть и объясняет исследователю, что обозначает его рисунок, почему в центре сети находятся эти люди, а другие на её периферии, почему кто-то из родственников вообще не отмечен и т. п. Как правило, в центре рисунка находится ближний круг общения респондента, который соответствует его представлениям о границах его семьи и «радиусе доверия». Метод даёт возможность построения естественных типологий сетей межсемейных обменов в представлениях самих их участников. Интересно, что «естественные» рисунки отличает эгоцентричность и они отражают в основном связи респондента с другими членами сети, но их связи между собой обычно не отмечаются. Дальнейшая методическая триангуляция полученных данных всех трёх подходов позволила в нашем исследовании не только определить «плотность» сети по числу случаев обменов за год или «интенсивность» обменов (в стоимостном выражении) полученных и отданных ресурсов членами сети друг другу, но и выйти на некоторые нормы и правила, регулирующие эти обмены.

К сожалению, демонстрация возможностей этой методической триангуляции выходит за рамки задач данной статьи, где главная цель — показать механизмы институционализации социальной сети поддержки. Однако хочется ещё раз подчеркнуть, что ответы респондентов о взаимосвязях в сетях межсемейных обменов с привязкой к конкретным затратам времени, труда и денег значительно отличаются от штатных интервью большим числом парадоксальных ситуаций в поведении респондентов, которые они должны объяснить. Это в значительной степени облегчает поиск интерсубъективного смысла их поступков и рефлексии. Более подробно данный подход описан в монографиях «Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России» [Шанин и др. 2002] и «Неформальная экономика: экономико-социологический анализ» [Барсукова 2004].

Институционализация социальных сетей поддержки: строительство или выращивание

Традиционно социологическая проблематизация исследовательского «поля» включает в себя поиск социальных норм поведения объекта, являющихся отражением существования социальных институтов. Представление о социальной сети как социальном институте также включает в себя изучение устойчивых норм и правил взаимодействия между объектами, которые исследователь включает в совокупность элементов, составляющих данную «сеть».

Сложность исследования института социальной сети заключается, на мой взгляд, во внутреннем противоречии процесса институционализации социальной сети. С одной стороны, мы видим, что основу сетей социальной поддержки составляют «неинституциональные» неформальные отношения, гибкость и многообразие организационных структур, децентрализация управления, избегание установления жёстких норм и правил, ограничений и т. п. Это представляется как системное сопротивление людей любой формализации, избегание определённости в форме организации сетевых структур.

С другой стороны, сложившиеся со временем связи и отношения в сетях поддержки стремятся найти форму, соответствующую их содержанию. Проблема состоит в сложности вычленения исследователем

процесса институционализации сетевых практик, если использовать подход П. Бергера (Peter Berger) и Т. Лукмана (Thomas Luckmann), которые видят институционализацию в любых социальных действиях, где, согласно их теории, осуществляются три принципа институционализации — *хабитуализация (опривычивание), типизации и легитимации*. Признаками института в этом случае выступают рутинные действия субъектов, которые их принимают как само собой разумеющиеся [Бергер, Лукман 1995].

То есть проблема заключается в том, как заметить действия и образ мыслей респондентов, которые они сами не замечают из-за их обыденности, рутинности и привычности?

Если исходить из анализа интервью с респондентами о происхождении их социальных сетей поддержки, то мы имеем дело со спонтанным процессом установления и постепенного укрепления дружеских связей и отношений. В наших интервью нет случаев, когда респондент прямо указывал на то, что он специально конструировал сеть поддержки, запланированно проводил селекцию «нужных людей» с конкретной целью их использования (дружить для «лечения, если вдруг понадобится медицинская помощь» или проведения совместного отдыха). Даже если по факту их контактов они в большинстве случаев встречались именно по этим поводам. В рассказе обязательно присутствует история личных отношений, где имеются представления об общих ценностях, интересах, нормах участия в делах друг друга, символические действия в виде поздравлений, подарков, хождений в гости и проч.

Когда отношения в социальных сетях «для всего»

Даже если знакомство членов дружеской сети произошло на почве совместного участия в достижении определённой цели, то дальнейшие их связи могут выходить далеко за рамки профессиональной или иной формы деятельности и приобретают универсальный характер. Например, когда на прямолинейный (некорректный) вопрос интервьюера «для чего Вы поддерживаете отношения», после вполне понятного раздражения респондента на «дурацкий» вопрос, следует некоторое перечисление разных позиций и короткое резюме — «для всего».

Это особо деликатная сфера отношений. В интервью упоминаются определённые ритуалы по обращению за помощью к друзьям или родственникам. Например, приглашение в гости, в кафе и проч., где за угощением «между делом» излагается проблема. Большинству просьб членов сети друг к другу также предшествует символический обмен интересом к здоровью, близким людям, состоянием дел.

Важную роль для категории сетевых взаимоотношений «для всего» приобретают подарки. Со времён первых исследователей этой темы Марселя Мосса [Мосс 1996] и Бронислава Малиновского [Malinowski 1970] интерес к этому феномену вышел далеко за пределы традиционных общинных сообществ в постмодернистский мир офисов информационного общества, а сами подарки и отношения дарения стали индустрией по их производству и подарочным услугам [Carrier 1993].

С точки зрения изучения социальных сетей поддержки представляет интерес определение В. Ильина подарка как «формы регулярных инвестиций в поддержание социальной сети» [Ильин 2007].

Он выделяет две «сетевые» функции подарка: символическую, то есть «подарок как напоминание о том, что дарящий и получатель принадлежат к одной сети». Здесь подарок — выразитель отношений дарящего. В нашей культуре это закреплено в поговорке, что «дорог не подарок, а внимание». Вторая функция подарка — это материальная инвестиция, которую выполняют «полезные подарки» (начиная от денег и кончая предметами, одеждой, обувью, домашней техникой и т. п.), которые нужны получателю. Такой подарок по своей сути является материальной помощью в специфической форме.

Я бы к этим сетевым функциям подарка добавил «нормообразующую» для сети функцию, где подарки являются частью процесса институционализации связей и отношений в социальных сетях. Это проявляется в «традиционных» для сетевого сообщества подарках и в ритуалах их дарения, например, стихотворная форма самодельного поздравления друг другу с «индивидуальным подходом» как обязательный атрибут поздравления члена сети с событием. Это внутренние нормы того, что считать дорогим и дешёвым подарком и, наконец, появление «сетевых» подарков, то есть подарков, которые не могут принадлежать каждому члену сети в отдельности и которые невозможно разделить на части. Например, в качестве «подарка» дарится «место встречи» для членов сети, общее издание их работ, бесплатное обучение знаниям и умениям в виде семинара, который оплачивает один из членов сети, и т. п. Можно спорить относительно того, является ли подарком предоставление своего офиса под место встречи участников сети или это просто штатный акт объединения сетевых ресурсов, однако остаётся фактом, то что «даритель» и «получатели» воспринимают это именно как подарок. Например, на встрече групп самопомощи в 2006 г. в г. Энгельсе руководитель НКО на вопрос, почему он решил бесплатно предоставить свой офис для встречи групп самопомощи ВИЧ-инфицированных, ответил: *«Ну, я решил сделать им подарок по случаю 1 декабря. Я своим даже объяснять не буду, под свою ответственность»*. В то же время было аналогичное заявление, что *«мы не знали, где собраться, надо было помещение больше, чем обычно, а тут, прямо подарок»*.

Сетевые обмены: иная рациональность

Проблема институционализации сетевых структур тесно связана с вопросом, что же делает пространство сетевых связей и отношений взаимовыручки и поддержки стабильным и продолжительным во времени? Что скрепляет непрочные нити неформальных связей и нерегламентированных отношений? Результаты наших исследований позволяют полагать, что основным компонентом этого «клея» являются психологические механизмы неэквивалентного обмена сетевыми ресурсами, сервисами, информацией, эмоциями и симпатиями.

Впервые с феноменом неэквивалентного обмена автор столкнулся в середине 1990-х годов, когда наблюдал, как городские родственники сельских жителей вывозят из села несопоставимые по цене с их «гостинцами для родни» мешки овощей, килограммы мяса и молочных продуктов («история о зелёных огурцах»). Тогда проблема неэквивалентных обменов требовала объяснительной модели, основанной на концепции нерыночной рациональности, идее максимизации социальной полезности в сельском социуме.

Мы обнаружили, что неэквивалентные обмены, ориентированные на социальную полезность для всех участников сети, предполагают долгосрочные отношения. В случайных и кратковременных связях, которые также неизбежно присутствуют в социальных сетях, преобладают отношения «ты мне — я тебе», где объекты обмена вполне сопоставимы. Говоря о сетевых обменах, надо отметить, что по материалам исследования «Социальные сети в России» (рук. А. Берелович) респонденты редко использовали понятие «оплата», чаще употреблялось понятие «отблагодарить», что подчёркивает неформальный характер обмена. *«Нештатная» услуга оплачивается либо деньгами по тарифу («иногда меньше, если вся сумма идёт ему в карман, иногда больше, если билетов в кассе нет и он делится с кем-то», либо взаимной услугой.* (Мужчина, 40 лет. Саратов, 2002 г. Речь идёт о безбилетном проезде на поезде). [Архив исследования... 2000–2002].

Причём, в большинстве интервью, если разговор вёлся о незнакомых или малознакомых людях, то высказывалось предпочтение выразить «благодарность» в деньгах. Другой веской причиной благодарить деньгами является экстремальность ситуации и её значимость:

«...если это, например, здоровья касается, если это такой действительно критический случай, то надо отблагодарить и лучше, конечно, деньгами...» (Женщина, 44 года. Москва, 2000 г.).

Но это не закон, а скорее пожелание, так как *«если у тебя есть, чем человеку конкретно помочь, то лучше, конечно, конкретную услугу оказать»* (там же).

Неэквивалентные обмены, как правило, имеют историю отношений, когда у субъектов «обмена» не только общее настоящее, но и общее прошлое. Например, учились в одном классе, жили в одном дворе, вместе отдыхали в санатории, играли в одной команде и проч. Тогда возникает поле так называемых нормальных отношений, под которыми подразумеваются дружеские симпатии, предполагающие «человеческие формы благодарности и признательности».

«Я думаю, что если ты с человеком когда-то и где-то связывался (в садике, в пионерском лагере, в школе), то отношения поддерживаются автоматически. Ничего не надо объяснять и убеждать. Это как бы природная, естественная дружба» (Студентка, 23 года. Саратов, 2000 г.).

«По благу» и «по знакомству»

В понимании респондентов «нормальные отношения» предполагают возможность оказания значимой услуги «за спасибо». Например, в истории решения проблемы трудоустройства с помощью друга семьи респондент подчеркивает:

«Я ему кроме того, что сказала: “Спасибо”, — и кроме наших дружеских, приятельских отношений, кроме этого ничего и не было, денег там, или отблагодарить чем-то. Именно с этим человеком, я считаю, у меня просто нормальные отношения... Потому что у нас всегда какое-то доверие, я его никогда не подводила, просто он знает, что я его никогда не подведу. А вы сами знаете, что свои люди везде нужны, даже на предприятиях» (Женщина, 44 года. Москва, 2000 г.).

В последней фразе мы как раз можем увидеть одну из форм иной рациональности, а именно рациональности неэквивалентных обменов за «спасибо». Это поддержание и укрепление доверительных отношений со «своими людьми». Здесь пролегает весьма тонкая граница между оказанием услуги в сетях «по благу» и «по знакомству»: *«Блат — это когда надо что-то давать, деньги или просто выгоду иметь, а знакомство — можно просто по знакомству, по нормальному отношению»* (Женщина, 44 года. Москва, 2000 г.).

Социальная сеть поддержки может использовать «блат» в неэквивалентных обменах, но существовать без «нормальных отношений» она не может.

У богатых друзья — у бедных родственники

Имущественное расслоение не обошло стороной социальные сети поддержки. Анализ интервью показал, что в семьях с «материальными» проблемами круг знакомых сузился, а родственные связи укрепились. В «обеспеченных» семьях процесс идёт в обратном направлении, связи с родственниками ограничиваются, а с друзьями «своего круга» и «полезными людьми» расширяются. Однако здесь необходимо сделать ряд уточнений. В основании этих перемен лежит селекция прежних связей по причинам не только экономическим, но и психологическим. Это не только рациональный расчёт, типа того, что материальная поддержка «бедных родственников» или «неприспособленных к жизни» старых друзей дело невыгодное. Интервью показывают, что традиция бескорыстной помощи близким и

друзьям никуда не исчезла. В редких случаях, когда «садятся на шею», «нагло используют помощь не по назначению» (пропивают, например, деньги, предназначенные на покупку одежды для детей и проч.), тогда отношения прерываются.

Но чаще звучит другой мотив. Это болезненное переживание разрыва прежних статусов и ролей. За советованием, что нет денег, чтобы «собрать праздничный стол» для своих друзей или купить подарок для старого знакомого, стоит представление, что «с обычным» подарком к ним не пойдешь, он уже птица другого полёта. «Это раньше мы с ним из одной тарелки щи хлебали».

Однако иррациональных высказываний о том, что прежние друзья завидуют, даже презирают *«будто я украл всё это, а не сам, своим умом и горбом заработал»*, что *«могут сглазить»*, что *«не хочу ставить их в неловкое положение, мол, у меня всё есть, а вы живете как...»*, не хочу формировать комплекс неполноценности, о том, что нет общих тем для разговора, кроме воспоминаний о прошлом, как правило, становится все меньше.

Много рассуждений на тему, что мало кто умеет по-настоящему быть благодарным. Обычно считают, что раз обеспечен, то обязан делиться и т. п. Но одновременно предполагается, что сами виноваты в том, что не могут себя обеспечить (ленивые, пьют, не хотят работать).

Интересным на этот счёт оказались рассуждения «состоятельной дамы» о том, почему она ночью выбрасывает поношенные вещи в мусоропровод, а не отдаёт их родным и знакомым. Аргументы были такие: 1) могут обидеться, что свои обноски дарю; 2) им не надо, могут все себе купить; 3) чтобы отдать вещь, её надо привести в порядок: починить, почистить и т. п.; 4) неудобно показывать, что она не хочет носить вполне «ещё пригодные» вещи.

Получается, что «бедные» вещи из «бедных» семей передаются таким же «бедным» семьям без комплексов и продолжают служить в социальных сетях. «Богатые вещи» из «богатых» семей выбрасываются из «сети» своих хозяев и попадают в обезличенный мир «секонд-хенда», бомжей и нищих.

«Сетевой коммуникатор»

Если мы полагаем, что в социальных сетях нет центра, нет единого лидера, а есть совокупность групп со своими центрами и лидерами, тогда возникает вопрос: «Что или кто является координирующей силой в сети?» Кто инициирует движение ресурсов по каналам сети, кто создаёт возможности для взаимодействия между членами сети? Может быть, где-то внутри сети имеется организующая структура, регулирующая спонтанные обмены?

Участники сети постоянно подчёркивают особое значение своей независимости и свободы выбора в формах ответной благодарности в сетевых взаимообменах: *«Если он выполнил, например, для меня какую-то работу, потратил при этом своё личное время, то за это обязательно надо отблагодарить. Каким образом отблагодарить, я решаю индивидуально. Это зависит и от человека, которого благодарить, и от услуги, которую он для меня оказывает. Это могут быть и деньги, и какой-то подарок»* (Женщина, 47 лет. Саратов, 2000 г.).

Такие установки препятствуют появлению в социальной сети поддержки традиционного лидера с мобилизующими и контролирующими функциями и соответствующим авторитетом. Однако для функционирования сети необходимо, чтобы кто-то подсказал, к кому обратиться за помощью, выступил посредником, просителем, определил «размеры благодарности». И социальные сети выращивают та-

кого координатора. Внешне он ничем не напоминает традиционного лидера-ведущего, за которым идут ведомые.

Говорят, что лидера создают амбиции. Достаточно трудно понять амбиции человека, который часто звонит и спрашивает о твоих делах, заходит в гости просто так, практически никогда не говорит о себе и своих проблемах, а если просит помочь, то кому-то, а не себе, и может дать правильный совет. Он способен появиться вовремя, когда есть нужда в решении проблемы, делит её на задачи, которые распределяет между членами сети и следит за их решением:

И.: «А к Вам обращались как к посреднику, чтобы кому-то помочь?»

Р.: *«Было. Заканчивали мы вместе техникум, только с другой группы. У него сын в военное училище поступал, но не поступил. Год он промотался просто так. Когда я ездил в 1999 г. на встречу выпускников, то там встретился с зам. директора (учебного хозяйства при сельскохозяйственном техникуме. — Примеч. авт.), с которым вместе учился. А тот не ездил, все некогда было. Я говорю: «Поехали». Мы поехали, как раз уборочные работы шли, мы его нашли. Я говорю: “Сашка, помоги. Помнишь его с первой группы, у него пацан, так и так”. А он: “Я-то что, я учебное хозяйство”. А жена у него связана с этим, он её подозвал, объяснил ситуацию. Она говорит, что поможет, записала данные все. Сейчас учится пацан»* (Мужчина, 47 лет. с. Даниловка Саратовская обл., 2001 г.).

Интересно, что наличие такого координатора в сети редко осознаётся её членами. Чаще это замечается, когда такой «сетевик» покидает сеть. Тогда можно услышать высказывания о том, что *«сейчас нас некому собрать»*, *«когда он был с нами, мы были вместе, а сейчас сами по себе»*, можно было всегда обратиться за советом, он *«умел направить к нужным людям»* и проч.

Взаимность без обязательств

Неэквивалентные обмены в социальных сетях довольно часто предполагают оказание услуг, помощи как бы безвозмездно («просто так»):

«Бывали у меня случаи, холодильник, например, делать. У тёщи стоял 100 лет негодный, мотор полетел. Друг у меня был в Аткарске, он и говорит: “Ищи мотор, этот негодный. Я припаяю тебе его. Найдешь в селе, может быть, морозилку пробитую”. Я нашёл, проверил, работает. Позвонил ему, он приехал, поставил, работает. Он просто так: всё, всё, в расчёте... Я ему: “Сколько тебе – 100, 200”. Он: “Не надо...”» (Мужчина, 47 лет. с. Даниловка Саратовская обл., 1999 г.).

В этом примере можно заметить, что на самом деле тоже произошёл обмен тем, что для его участников дороже денег. Это приятные эмоции от возможности оказаться полезным другу. Возможность общения, проявления причастности к кругу друзей, взаимной симпатии:

«Если простые просьбы типа ремонта машины, квартиры, то лучше обратиться к друзьям. Ведь если мне будут помогать друзья, то это будет и дополнительное общение, и дело будет идти быстрее. Затем сели, пиво попили» (Мужчина, 45 лет. Саратов, 2000 г.).

Однако там, где требуется квалифицированная помощь, предпочтительнее денежная форма вознаграждения:

«Услуги, которые я сам не могу выполнить, например, настроить телевизор нового поколения. 100 % — ремонт телевизора или его настройка — для меня эта плата обязательна. Компьютерная техника — там тоже надо платить, поскольку ни я, ни мои друзья в этом уже не разбираются. Здесь уже нужен квалифицированный труд, а за квалифицированный труд надо платить. За качественную работу надо платить, чтобы у человека был стимул, а не стол накрывать» (там же).

В этих примерах можно увидеть, как респонденты сами отделяют моральные (психологические) ресурсы от сугубо материальных, где легче найти подходящий эквивалент при обмене. Можно выделить три формы обмена психологическими ресурсами в сетях социальной поддержки:

1. Профилактика форс-мажорных обстоятельств: это совет, информация, увещание, вмешательство в ситуацию (угроза потери работы, проблемы со здоровьем, семейные проблемы).
2. Реабилитация последствий травм, например, потеря работы, болезнь, развод и проч.
3. Мобилизация ресурсов сети для решения проблемы путём разделения её на задачи и распределения этих задач по агентам сети. Например, помощь родственников и друзей при строительстве дачи. Кто-то из членов сети помогает достать строительный материал, кто-то обеспечивает транспортом, кто-то помогает рабочей силой, кто-то просто одалживает деньги на стройку или даёт полезную информацию, где дешевле строительные услуги, и т. п.

Вместо выводов

Изучение механизмов институционализации социальных сетей поддержки особенно актуально в условиях экономического кризиса, где стратегии социального поведения населения располагаются между полюсов выживания «в одиночку» или консолидации членов различных социальных слоёв и групп. Представление о продуктивном поведении населения в условиях кризиса часто связывают с эффективным использованием ресурсов социальных сетей поддержки, которые якобы способствуют более успешной адаптации семей в экстремальных обстоятельствах.

Однако мы видим, что социальные сети поддержки в зависимости от уровня их институционализации и наличия ресурсов могут не выполнять эту консолидирующую функцию или даже выступать деструктивным элементом в обществе, устанавливая жёсткие границы между «своими и чужими», блокируя или игнорируя «невыгодные» с их точки зрения мероприятия по преодолению кризиса со стороны государственных структур и бизнеса. Одной из причин развития общества по такому сценарию является, по определению Ю. А. Левады, «институциональный дефицит», то есть отставание институционализации социальных отношений, которые должны обеспечивать становление гражданского общества и новых форм хозяйствования, а также препятствовать процессу воспроизводства деструктивных социальных практик и норм поведения, возникших в переходный период.

Изучение этих отношений на микроуровне социальных сетей поддержки, разработка понятийного аппарата и методологического инструментария для исследования этого феномена представляется важной теоретической и научно-прикладной задачей.

Литература

- Архив исследования «Социальные сети в России». 2000–2002 гг. Рук. А. Берелович. Интервьюеры: В. Виноградский, О. Виноградская, М. Мореханова, А. Никулин, Л. Прокофьева, И. Штейнберг и др.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности*. М.: Медиум.
- Барсукова С. Ю. 2004. *Неформальная экономика: экономико-социологический анализ*. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ; 329–374.
- Гладырев Б. С. 2001. Дневниковый метод в изучении социальных сетей. *Социология: методология, методы и математические модели*. 14: 53–57.
- Ильин В. 2007. *Подарок как социальный феномен*. <http://www.acapod.ru/2067.html#1#1>
- Ионин Л. Г. 2007. *Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу*. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ.
- Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*. 3: 122–139.
- Мосс М. 1996. *Общества, обмен, личность: Труды по социальной антропологии*. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы.
- Радаев В. В. 1999. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики. В сб.: Шанин Т. (ред.) *Неформальная экономика. Россия и мир*. М.: Логос; 35–60.
- Description — Innovations and Networks. 2005. На сайте «Innovations and Networks» (рус.) ГУ «Высшая школа экономики». <http://new.hse.ru/sites/liaer2/networks/default.aspx>
- Скотт Дж. 1992. Моральная экономика крестьянства как этика выживания. В сб.: Шанин Т. (сост.). Гордон А. В. (ред.). *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в социальном мире*. Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия»: 202–210.
- Шанин Т., Никулин А., Данилов В. (ред.). 2002. *Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России*. М.: РОССПЭН.
- Carrier J. 1993. The Rituals of Christmas Giving. In: Miller D. (ed.). *Unwrapping Christmas*. Oxford: Clarendon Press: 55–74.
- Granovetter M. 1973. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. 78. (6): 1360–1380.
- Malinowski B. 1970. The Primitive Economics of the Trobriand Islanders. In: Hardy Th. G., Wallace B. J. (eds.). *Culture of the Pacific*. London: Collier-Macmillan Limited; New York: The Free Press; 51–62.
- Roberts B. 1994. Informal Economy and Family Strategies. *International Journal of Urban and Regional Research*. 18: 6–23.
- Zakharov P. 2006. Diffusion approach for community discovering within the complex networks: LiveJournal study. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 378 (2): 550–560. <http://dx.doi.org/10.1016/j.physa.2006.11.086>